

МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

РИТОРИКА В ДУХОВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Александр Александрович Волков

доктор филологических наук
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
volkovalexander@mail.ru

Для цитирования: Волков А. А. Риторика в духовном образовании // Слово и образ. 2020. № 1 (2). С. 138–159. DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.008

Аннотация

УДК 808 (27-75)

Статья посвящена определению и анализу основных понятий: культура, деятельность, филология, лингвистика, теория словесности, риторика, высказывание: этос, логос, пафос. Предваряя основное изложение, автор останавливается на значении филологических наук в духовном образовании.

Ключевые слова: филология, лингвистика, герменевтика, духовное образование, риторика, русский язык, культура, массовая коммуникация.

Точно так же, как грамматика не является наукой о буквах, геометрия наукой о землемерии, экономика наукой о домоводстве, история расспросами, математика знаниями вообще, филология любовью к слову, и риторика не является учением только об ораторском искусстве. Риторика — филологическая дисциплина, изучающая замысел и строение произведения слова с точки зрения целесообразности, то есть в отношении к адресату речи.

Риторика была первой научной дисциплиной, изучающей слово: грамматика и теория словесности сложились позже с развитием системы образования.

Речевой деятельностью занимаются многие науки — психология, нейрофизиология, социология, семиотика, некоторые разделы математики и т. д. Каждая из этих наук в *объекте* — языке — вычленяет *предмет* своих исследований.

Предмет научного исследования определяется, во-первых, целями и задачами конкретной области научного знания, во-вторых, методами исследования, характерными для данной научной дисциплины, в-третьих, теоретической позицией исследователя.

Теоретическая модель включает субъекта и предмет исследования и называется *научной парадигмой*. В ходе развития науки прежние научные парадигмы изменяются и сменяются новыми в зависимости от накопления фактической информации, обнаружения новых фактов, не соответствующих прежним парадигмам, изменения задач исследования.

Филология — гуманитарная наука. Предметом гуманитарных наук являются *культура*, то есть исторически сложившаяся «совокупность достижений общества в производственном, общественном и умственном отношении»¹ и деятельность общества. Предмет филологии — *слово в самом широком смысле как факт и основа культуры* (ἔργον) и речевая деятельность как *созидание и использование культуры* (ἐνέργεια).

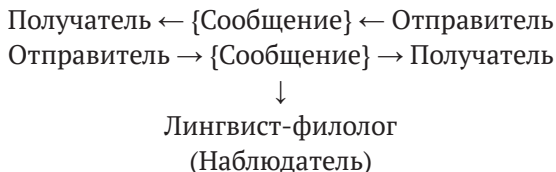
Основные категории культуры слова — *логос*, *пафос* и *эмос* выработаны в риторике, но значимы для всех дисциплин филологии.

Под логосом в широком смысле можно понимать общие свойства, или «семиотические универсалии» языка, обеспечивающие возможность создания и понимания членораздельной речи. Под пафосом можно понимать способность выбирать средства выражения мысли и создавать сложные цельнооформленные высказывания. Под этосом можно понимать способность создавать целесообразные высказывания, приемлемые для адресата и организующие его сознание и деятельность.

1 Ожегов С. И. Словарь русского литературного языка. М., 1952. С. 274.

Предмет лингвистики — логос языка, то есть система знаков, обеспечивающая саму возможность общения и мышления, в том числе средства пафоса и этоса речи.

Условно представим себе речевую ситуацию в виде диалога, то есть обмена репликами-высказываниями, и исследователя в виде наблюдателя.

Лингвист наблюдает *речь*, то есть процесс обмена сообщениями или высказываниями. Для лингвиста в принципе не существенно, кто именно отправитель, а кто получатель сообщения. Отправители и получатели сообщений-высказываний меняются, и всякий отправитель является получателем сообщения.

Лингвиста в первую очередь интересует то общее сознательное или бессознательное знание, которое обеспечивает возможность любому члену речевого коллектива создавать высказывания, понятные любому другому члену того же речевого коллектива, закономерности устройства любых высказываний на любом языке.

Для лингвиста существенно, во-первых, что все эти говорящие и слушающие понимают друг друга и, стало быть, говорят на одном языке; во-вторых, сам наблюдатель-лингвист понимает, что они говорят друг другу, то есть владеет языком, на котором они говорят. Но владеть языком не означает знать, как устроена объективно и необходимо существующая *система знаков*, которая обеспечивает возможность строить и понимать речь.

Однако лингвиста также интересует *речь* — организация речевых отношений в обществе, условия и закономерности выбора тех или иных языковых средств для построения высказываний, особенности речи различных общественных, возрастных, профессиональных, конфессиональных и т. п. групп. Интересует его также, чем устные высказывания отличаются от письменных, печатных, передаваемых с помощью какого-либо шифра, сопровождаемых или нет какими-либо изображениями и т. п., но в таком случае исследователь занимается уже особой научной дисциплиной — семиотикой языка.

Поскольку языкознание исследует общие закономерности организации языка и речевые отношения в обществе, оно оказывается основой

изучения речевой деятельности филологическими и иными науками, интересующимися произведениями слова: теорией словесности², риторикой, но также историей и археологией, социологией, искусствоведением, науковедением, психологией, нейрофизиологией, политологией и т. д. С другой стороны, и языковедение широко пользуется данными наук, в сферу интересов которых входят факты языка.

Но в любом варианте лингвистического исследования имеет значение *критерий отбора* участников коммуникации. Эту бесконечную цепь говорящих и слушающих, слушающих и говорящих мы можем представить себе различным образом.

- 1) Если мы рассматриваем речь потенциально любых участников единого общественного коллектива в определенный отрезок времени, обменивающихся высказываниями в ходе совместной деятельности, то в таком случае мы говорим о синхронии, например, о современном русском языке.
- 2) Если мы рассматриваем речь некоторых участников общественного коллектива, говорящего на данном языке, но говорящих на различных местных вариантах этого языка, то мы говорим о территориальных диалектах данного языка.
- 3) Если мы рассматриваем речь некоторых участников данного общественного коллектива, отличающихся теми или иными особенностями жизни, профессиональной или иной деятельности, общественного положения, образования и т. д., говорим о социальных диалектах и функциональных стилях данного языка.
- 4) Если мы вычленим особенности речи, наиболее образованной и влиятельной в культурном отношении части общества, которая представляется образцом для остальных его членов, то говорим о *норме языка*.
- 5) Если же мы выстраиваем картину коммуникации во времени, то есть изучаем, как исторически вследствие изменений речи изменялась и система языка, то исследуем язык в его диахронии.

2 Под словесностью в данной работе понимается комплекс произведений слова, в который включаются Священное писание, религиозная, богословская, научная, философская, историческая, художественная литература, фольклор, публицистика, эпистолография, эпиграфический и сфрагистический материал, массовая информация и другие виды произведений, в совокупности образующих духовную культуру общества. Под теорией словесности понимается совокупность филологических дисциплин, изучающих произведения слова с точки зрения их содержания, строения, языка и стиля, исторической преемственности.

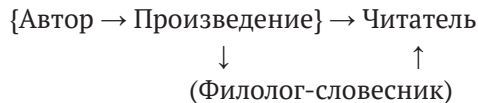
Язык рассматривается лингвистикой в *синхронном* и *диахронном* планах. В синхронном плане язык предстает как система, составляющие которой — единицы языка (слова, морфемы и фонемы, словосочетания, предложения) функционируют одновременно как единое целое. В плане диахронии исследуются закономерности изменений во времени единиц языка и его строения в целом. Диахроническое исследование языка позволяет читать и понимать произведения, созданные предшествующими поколениями общества, а, следовательно, — историю общества.

Язык — основа жизнедеятельности общества, и, стало быть, его единства, истории и культуры как унаследованного опыта предшествующих поколений. Поэтому фактом культуры оказывается продукт лингвистического исследования — *система языка* в ее истории, социальной или территориальной вариативности.

Предмет теории словесности — *пафос* произведения слова как факта культуры.

Если лингвистику интересует, *как и почему* люди говорят и пишут, то теорию словесности интересует, *о чем, что и каким образом* повествует литератор. Филолог-словесник понимает предмет своего исследования иначе, чем филолог-лингвист. Он занимает иную теоретическую позицию, применяет герменевтические исследовательские методы и рассматривает не любые высказывания, но *произведения слова*.

Отношение филолога к предмету можно представить следующим образом. Автор (адресант) создает произведение, которое остается фактом речи — высказыванием. Читатель (адресат) получает произведение как высказывание, то есть некоторый факт речи.

Филолог-словесник занимает позицию *адресанта*, то есть читателя или слушателя.

Задача филолога, исследователя или критика, состоит не только в анализе произведения как высказывания, но в его *истолковании* как авторского произведения (даже если автор неизвестен или, как в фольклористике, представляется «коллективным автором»), в отнесении произведения к определенному разряду словесности, в определении авторского замысла и средств его реализации, новизны и значимости данного произведения в литературном контексте.

Поэтому произведение слова предстает как продукт творчества индивидуального или коллективного автора с определенным замыслом, строением и отношением к другим произведениям, получает оценку с точки зрения его содержательной значимости, новизны идей, художественного достоинства и тем самым *становится фактом культуры*.

При этом каждый вид словесности предполагает свою особую герменевтическую технику анализа произведения, определения его места как в контексте данного вида словесности, так и в общем контексте культуры.

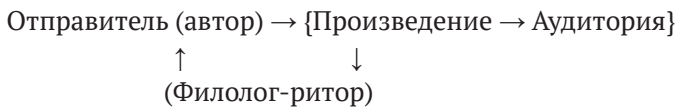
Продукт филологического анализа предназначен получателю, для которого интерпретация имеет не меньшее значение, чем само произведение, поскольку инициирует и организует его понимание. В особенности это относится к науке, богословию и философии, но, разумеется, и к художественной литературе. Филолог-словесник при этом становится активным участником культурного творчества, *квалифицированным консультантом читателя*.

Деятельность филолога-словесника всецело основана на результатах филолога-лингвиста, а лингвистика, в свою очередь, на основании изучения словесности строит *норму литературного языка* — основу образования.

Но картина строения филологии будет неполной, если не учтена третья теоретическая позиция исследователя.

Предмет риторики — *этнос* произведения как замысла в его отношении к значимой для общества проблеме. Именно этнос определяет логос и пафос высказывания, которые ограничиваются требованием *уместности*.

Отношение филолога-ритора к предмету исследования выглядит следующим образом.

Риторическая модель коммуникации показывает, что филолог, рассматривает отношение высказывания к аудитории любого произведения: не только ораторской речи, исторического, публицистического, философского, богословского сочинения, проповеди, но и канонического текста, научной работы, художественного произведения.

В отличие от филолога-словесника, который обучает читателя правильному пониманию произведения в связи с замыслом автора,

филолог-ритор обучает автора правильному построению публичного высказывания, исходя из интересов и требований аудитории, то есть общества.

Рассмотрение произведения в отношении к аудитории логически предполагает его целесообразность и, следовательно, анализ средств *убеждения*. Такие речевые средства достижения цели называются *аргументацией*, технической и нетехнической.

Со времен Аристотеля, установлены три вида аргументации — судейная (шире — судительная), совещательная и показательная (эпидейктическая). Этос риторической аргументации связан с грамматической (прошлое / настоящее / будущее), логической (истинность / ложность), и этической (справедливое / несправедливое, добро / зло, польза / вред) модальностью.

Судительная речь о прошлом может быть истинной или ложной и имеет в качестве предмета справедливое и несправедливое. Совещательная речь о будущем связана с возможным и невозможным, ее предмет — полезное и вредное. Эпидейктическая (показательная) речь связана с вневременными этическими представлениями — о благом и злом, правильном и неправильном. Поскольку центральная категория риторики — этос, именно *эпидейктическая речь задает норму речевых отношений в обществе*.

С позиций риторики можно рассматривать любые произведения, например, «Послание к римлянам» св. апостола Павла, «Божественную комедию» Данте, «Слово о полку Игореве» или роман Л. Н. Толстого «Воскресение» — вопрос только в целесообразности риторического подхода к тому ли иному произведению. Разумеется, риторическому анализу произведения должен предшествовать его герменевтический анализ.

Литературное произведение рассматривается филологической герменевтикой как факт культуры, а риторикой — как *проект*, связанный с конкретной ситуацией. Но фактом культуры является *норма*, риторическая модель построения высказывания, которая и должна быть освоена как основа всякой публичной речи и, исходя из которой, риторическая критика изучает и оценивает любое произведение слова как реализованный проект.

И если неуместным было бы указание литературоведа, как писателю следовало строить уже созданное художественное произведение, то обоснованные опытом рекомендации о построении публичного высказывания не только уместны, но и необходимы.

Поэтому филолог-ритор выступает как *квалифицированный консультант автора или как критик произведения*. Риторическая критика

рассматривает любое произведение исходя из уместности цели высказывания (пафоса) и речевых средств реализации этой цели (логоса) с точки зрения этоса, то есть нравственной нормы общества, к которому произведение обращено.

С позиции этической нормы общества любое, в том числе и литературно-художественное, произведение содержит аргументацию, которая может рассматриваться как *легитимная* или *нелегитимная*³.

Античность в лице Платона и Аристотеля разработала основы философии и теории риторики, а в лице греческих дидаскалов, Цицерона и Квинтилиана — нормативную модель построения публичного высказывания в виде последовательности изобретения, расположения, элокуции, памяти и речевого действия (*actio*).

Развитие словесности вносило коррективы в эти классические представления. Риторика, первоначально теория ораторского искусства, со временем становится инструментом построения и критики философских, исторических, эпистолярных, юридических, документально-деловых и даже поэтических произведений, поскольку в ее ведении оставалось учение о стиле.

Христианство преобразует всю семиотическую среду культуры от календаря до иерархии литературно-письменных языков, организации книжного текста, понятийного аппарата логики и техники аргументации. Но важнейшей составляющей и даже основой этой трансформации культуры стали годичный круг богослужения и церковная проповедь.

Гомилетика представляет собой продолженную письменно-устную речь на определенную заданную тему перед постоянной аудиторией. В силу единства тематики и топики — заданных посылок аргументации — церковная проповедь произносится повсеместно, регулярно и одновременно. Паства на всем пространстве ойкумены осваивает единое в содержательном, этическом и целевом отношении послание от одинаково авторитетных источников.

Проповедь, включенная в контекст Литургии, обретает связь с ее содержанием и становится толкованием литургического действия и формирует систематическое мировоззрение прихожан. Так единое коммуникативное пространство формирует единое мировоззрение и единое христианское общество, которое втягивает в себя прежде разнородные в этническом, конфессиональном, культурном, социальном отношении

3 Лисанюк Е. Н. Софистика vs аргументация: проблемы демаркации // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 76–92.

массы населения империи. Одновременно складывается и единая система катехизации, предполагающая диалогические формы речи и освоение письменных текстов Священного Писания с соответствующей интерпретацией.

Церковь становится массовой школой, организующей общество равных в отношении вероисповедания людей, а церковная проповедь — фактически единственным видом эпидейктической речи, определяющей этику речевых отношений и легитимность других видов аргументации — судительной, то есть собственно судебной и исторической (как летописи, хроники, жития и другие виды жизнеописаний) и совещательной, то есть публицистики и отчасти философии.

Блаженный Августин Гиппонийский в своих произведениях «О порядке», «Об учителе», «Христианской науке», «О граде Божием» с богословской и философской точки зрения обосновал единую систему христианского образования в виде свободных искусств — грамматики, диалектики, риторики, арифметики, геометрии, музыки, астрологии⁴ и философии — как пути духовного развития христианина⁵.

Здесь следует отметить одно немаловажное обстоятельство, с которым связано значение для христианского образования этих произведений блаженного Августина: пути развития культуры в странах христианского Востока и христианского Запада были различными.

Если в IV в. латинский язык был языком не только литературы, но и обихода образованных кругов общества на всем пространстве Западной империи, то к IX в. сформировались итальянский, французский, испанский, португальский и другие романские языки, и германоязычные народы включились в формирующийся в виде империи Карла Великого западноевропейский культурный ареал — *Chrétienté*.

Отношение к языку Священного писания и богословия было различным на Востоке и на Западе.

Византийская традиция допускала перевод Священного Писания и Литургии на новые языки, которые, как армянский, коптский, грузинский, а позже и старославянский, образовались как письменно-литературные путем *перевода*, вследствие чего как таковые стали основой формирования соответствующих обществ и государственных образований, а вместе с тем и поместных церквей. Проповедь на Востоке в содержательном и стилистическом отношении складывается в рамках

4 Под астрологией в перечне блаж. Августина следует понимать науку о движении небесных тел, т. е. в современном понимании — астрономию. — *Прим. ред.*

5 *Адо И.* Свободные искусства и философия в античной мысли. М., 2002. С. 122–125.

Поместных церквей, но в каждой из них сохраняет единство, обусловленное единством священноначалия и языка богослужения.

При громадной значимости переводного способа создания литературно-письменных языков, в нем содержалась опасность для новых культур. Дело в том что, в отличие от западного, византийское образование было светским. Образовательная традиция не была освящена богословием и потому не включалась в состав древнерусской культуры. Все усилия государства от Владимира Мономаха до Бориса Годунова и даже Алексея Михайловича не привели к успеху. Только Петр I путем жестких решений приступил к созданию институтов образования, и дело это было более или менее завершено лишь при Екатерине II.

На христианском Западе дело обстояло иначе: языками Священного Писания и Церкви признавались древнееврейский, греческий и латинский, который, естественно, вскоре стал единственным. Формирование же новых письменно-литературных языков было иным, чем на Востоке, — *транскрипционным*.

Для записи текстов на вульгарных языках, как, например, Страсбургской присяги, использовался латинский алфавит, а тексты Священных книг, Литургия и богословие не переводились, и даже церковная проповедь на местных языках была отчасти разрешена только в VII–VIII вв.

В результате латинский язык становится единственным международным языком Церкви и школы, формирующим и объединяющим образованное сословие стран латинского культурного ареала.

Литературно-письменные языки стран Западной Европы формировались и развивались как светские и образовали особую иерархию, вершину которой занимал старофранцузский язык эпоса, романа и блазона⁶ — носитель идеологии европейского рыцарства.

Средневековая высшая школа выстраивается в две ступени как бакалавриат и магистратура с изучением, соответственно, семи свободных искусств, богословское обоснование которых и дает Бонавентура⁷.

Церковная проповедь строится на латинском языке для клира и отчасти на национальных языках для laikов⁸. Развитие конгрегаций и мо-

6 Жанр французской поэзии XVI в., представляющий собой хвалебное детализованное описание человека или предмета. Изначально блазон — это язык геральдики, позволяющий точно описать герб, чтобы его рисунок можно было воспроизвести по описанию. От старофранц. *blason* — щит. — *Прим. ред.*

7 *Бонавентура*. Путеводитель души к Богу / пер. с лат. и комментарии В. Л. Задворного. М., 1993. С. 104–105.

8 От греч. *λαϊκός* — мирянин. — *Прим. ред.*

нашеских орденов формирует частные стили церковной проповеди, но в особенности широко распространенную внецерковную проповедническую деятельность на народных языках, что и привело к многочисленным еретическим течениям и, в конечном счете, к Реформации.

Эпоха Возрождения привнесла существенные изменения в первую очередь в организацию речевых отношений в Западной Европе. Секуляризация риторики начинается с Петрарки, но, несмотря на всю многосотлетнюю полемику вокруг церковной проповеди, разведение риторики и гомилетики происходит лишь в середине XVII в.

Эпидейктическая аргументация в XVI–XVII вв. постепенно переходит к философии, педагогике и пропаганде, а церковная проповедь подчиняется нормам классической римской и возрожденческой светской риторики и принимает светский характер.

Сама же по себе риторика сохраняет христианский характер, но с начала XVI в. в ней выделяются три направления, которые условно можно обозначить как протестантскую, традиционную и картезианскую (рационалистическую) риторику.

Типичный пример протестантской риторики — риторика Ф. Меланхтона, перевод которой впоследствии стал первой русской риторикой 1619 г., а рационалистической — риторика Бернара Лами 1675 г.

Традиционная и рационалистическая риторики различаются в основном пониманием *изобретения* — характера риторической аргументации.

Риторическая аргументация основана на топике — системе общих мест, общее строение которых (константы) задано: предыдущее и последующее, часть и целое, причина и следствие и т. д., а выбор переменных определяется в зависимости от задачи и убедительности для аудитории.

Традиционная и протестантская риторика обращаются к «частной аудитории»⁹, в отношении к которой риторическая аргументация использует инструментарий убеждения, зависящий от конкретной задачи в отношении к конкретному адресату.

Так, например, правило справедливости, предполагает, что равные категории оцениваются равным образом (*cuique suum*), но в качестве равных и неравных могут быть представлены различные предметы в зависимости от целей аргументации. Иными словами, переменные составляющие топики определяются исходя из мировоззренческих установок.

9 Pérélsman Ch., Olbrechts-Tytéca L. *Traité de l'argumentation*. T. 1. Paris, 1962. P. 22–34.

Рационалистическая риторика, исключая топику, обращается к «универсальной аудитории» и использует формальную логику, которая представляется универсальной формой мышления и основывается на представлении о так называемом «здоровом смысле».

Так, в рационалистической «Логике» А. Арно и П. Николя «здравый» смысл предстает как *sens commun* — «общий» смысл:

«Ничто не заслуживает большего уважения, чем здравый смысл и способность безошибочно распознавать истину и ложь. Все прочие умственные способности имеют ограниченное применение, рассудительность же требуется на любом жизненном поприще, важна в любой деятельности. Не только в науках трудно отличить истину от лжи, но также и в большинстве обсуждаемых людьми вопросов, и в большинстве их дел. Почти везде есть разные пути: одни — истинные, другие — ложные, и выбор возлагается на разум. Те, кто избирает истинные пути, обладают правильным умом (*esprit juste*), у тех же, кто принимает неверные решения, неправильный ум (*esprit faux*)»¹⁰.

Категории здравого смысла и логико-психологической правильности («ясность и отчетливость») несовместимы ни с христианством, ни с научным мышлением: в основе христианства лежит невозможное с точки зрения этого здравого смысла Богочеловечество; а открытие атмосферного давления Блезом Паскалем возмутило Декарта, поскольку *esprit juste* француза XVII в. вслед за Аристотелем полагал, что природа не терпит пустоты.

Картезианская идеология, на основе которой строилась рационалистическая риторика с ее универсальной аудиторией, по существу, была инструментом экспансии французского здравого смысла как в другие европейские страны, так и за пределы Западной Европы.

В течение XVII в. попытки создания системы филологических дисциплин в России трудно признать успешными. Первая русская риторика, так называемая «Риторика митрополита Макария» 1629 г., была переводом «Риторики» Филиппа Меланхтона¹¹. Но ни эта первая риторика, ни грамматика М. Смотрицкого, ни грамматика 1648 г. практически не использовались, поскольку, очевидно, не было достаточно квалифицированных преподавателей.

Учебники риторики второй половины века, как «Риторика» братьев Лихудов, производят огорчительное впечатление, в особенности в части

10 Арно А., Николя П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С. 7.

11 Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века: Текст, перевод, исследование. М., 1999. С. 219–238.

изобретения: похоже, авторы сами не вполне понимали грамматические категории, логическую структуру аргумента, содержание логических парадоксов и т. п. И только в XVIII в. начинает складываться система тривиума¹², которая, однако, не была завершена.

Дело в том, что в XVIII в. изменяется система образования: так называемая негуманистическая гимназия становится первой ступенью образования, а в университетах выстраивается ряд параллельных факультетов по специальностям.

В России до начала XIX в. в учебном процессе используется в основном «Риторика» М. В. Ломоносова 1748 г., но складывающаяся система духовного и светского образования, в особенности после Уваровской реформы 1835 г., потребовала новых учебников. Для духовного образования таким ключевым моментом был учебник гомилетики Я. К. Амфитеатрова «Чтения о церковной словесности, или Гомилетика» 1846 г., а для светского — «Общая риторика» (1818) и «Частная риторика» (1832) Н. Ф. Кошанского, хотя риторика преподавалась в духовных школах, например, свт. Филаретом Московским.

Что касается «Общей риторики» Н. Ф. Кошанского, в содержательном отношении она представляет собой вариант традиционной риторики, где подробно представлены система топики, правила синтеза периодов, формы изложения материала и построения технических аргументов. Логика преподавалась как отдельный предмет по переводным пособиям.

Наиболее интересна «Частная риторика», которая содержит систематизацию видов произведений слова. Если общая риторика представляет собой модель построения любого произведения, содержащего аргументацию, то в частную риторику включены правила построения и анализа произведений слова конкретных видов словесности. Состав таких видов примечателен, так как связан с задачей Уваровской гимназии готовить к поступлению в университеты, на гражданскую и дипломатическую службу.

Освоение основ философской, научной и деловой прозы формирует в учащихся необходимые трезвость и осторожность мышления, а изучение классических и иностранных языков — культурное языковое сознание: понимание в первую очередь родного литературного языка, классические нормы которого и складываются в это время.

В отличие от западноевропейских стран, в России церковная проповедь сохранялась как фактически единственная форма эпидейктической

12 Гаврюшин Н. К. «Риторика» М. В. Ломоносова и «Логика» Макария Петровича // Памятники науки и техники. Ежегодник 1985. М., 1986. С. 131–154.

аргументации. Несмотря на целый ряд ограничений проповеднической деятельности духовенства, она дала единый для всех сословий образ нравственности и основу оценки аргументации, сохранившиеся на протяжении XIX и всего XX в.

«Чтения о церковной словесности, или гомилетика» Я. К. Амфиатрова (1846) были наиболее полным и основательным пособием для духовенства. Особенно значимы стилистические рекомендации, да и сам по себе стиль изложения материала, открывавшие более широкие возможности творчества проповедника.

Таким образом, сложилась система образования и речевых отношений в обществе, организованная Церковью и государством. Безусловно, считать образцом сословное образование и жестко регламентированную церковную жизнь, и в частности, проповедь было бы неправильно: и образование, и духовная организация общества в первой половине XIX в. остро нуждались в совершенствовании и развитии. Но сам по себе замысел представляется правильным и, в принципе, плодотворным.

Культурное устремление нового поколения — *стилеобразование*¹³. Каждое новое поколение, усваивая культуру общества, стремится сформировать новый стиль жизни, а это означает новый стиль речевых отношений.

Новое поколение начала XIX в., продукт «Манифеста о вольности дворянской»¹⁴ и «Жалованной грамоты» Екатерины II 1862 г., воспитанное французскими гувернерами на неогуманизме Вольтера, Дидро и Даламбера, но в особенности Шеллинга, в духе спора «новых и старых» — модерна с его идеей фактического отрицания культурного наследия, и формирует, начиная с 20-х гг. новый стиль. Оно и образовало то общество, которое с начала 60-х гг. стало называться интеллигенцией.

Отсюда и литературная критика В. Г. Белинского, и Н. Г. Чернышевский, и А. А. Потебня с его фольклорными изысканиями и теорией

13 *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. М., 2005. С. 28–31.

14 Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству 18 февраля 1762 г. (Закон № 11444 // Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. СПб., 1830. С. 912): «<...> Мы с удовольствием Нашим видим, и истинный сын отечества своего признать должен, что последовали от того неисчетные пользы, истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменялось невежество в здравый разум, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставило сведущих и годных людей к делу, одним словом заключить, благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов безпредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную к службе Нашей ревность, а потому и не находим Мы той необходимости, в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была <...>».

внутренней формы, фольклористические и диалектологические исследования, философия языка Г. Г. Шпета, и «Диалектика мифа» А. Ф. Лоцева, и И. В. Сталин с его восстановлением последней дореволюционной системы образования и социалистическим реализмом.

Но отсюда и критика В. В. Виноградовым в конце 20-х гг. XX в. представления художественной литературы как поэтико-риторической формы, противопоставление поэзии и прозы и утверждение (хотя и очень осторожное) необходимости риторики в системе образования¹⁵.

Художественная литература характеризуется двумя взаимосвязанными особенностями: художественным вымыслом и образом автора. В отличие от прозы, то есть философии, истории, публицистики, где образ автора и реальный автор едины, в художественной литературе образ автора не является реальным автором, но фактически основой художественного вымысла.

Образ автора, по В. В. Виноградову, включен в художественный контекст и представляет собой как бы зрительное поле читателя: через призму образа автора читатель творчески воспринимает произведение. Сам же по себе реальный автор тем самым избавляется от ответственности за содержание текста, поэтому о реальных поступках автора, например, о прелюбодеянии, богохульстве, шулерстве, мошенничестве, особенностях психики художников-творцов как-то не принято упоминать в их биографиях. Да и любые упоминания подобного рода не влияют на оценку художественного достоинства и «художественной правды» литературных, живописных и даже музыкальных произведений¹⁶.

Художник слова вправе творить, исходя из художественного замысла, а сама образная система предстает как основа художественного пространства произведения даже в историческом романе. Так, реальные персонажи, как например, Михаил Илларионович Кутузов, предстают читателю в ореоле художественного вымысла. Это означает практически полную свободу автора представить любой образ в любой оценке, не опасаясь обвинения в диффамации, ибо такова особая «творческая логика».

Для философа, историка, публициста, политического деятеля подобное убийственно: авторы риторической прозы не могут себе позволить ни недостойного с точки зрения общества поведения, ни порочащих характеристик не только в публичной, но и в частной речи.

15 Виноградов В. В. Поэтика и риторика. Из истории и теории риторики. // Виноградов В. В. Избранные Труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 99–120.

16 См., например: Трубецкой Н. С. О методах изучения Достоевского // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 617–628.

С точки зрения риторики художественная литература «натуральной школы» представляет собой софистику или эристику, поскольку вымысел представляется как модель или пример, которые служат посылкой имплицитного вывода.

Вымышленные образ или ситуация, например, Печорин или Базаров, предстают перед читателем в описании-портрете; это художественное описание конкретно, но одновременно оно обобщает. Описание связано с повествованием, в котором словесные действия, поступки, высказывания персонажей и авторские оценки образуют структуру софистического аргумента.

Литературная критика интерпретирует художественную литературу как собственно риторическую прозу, своего рода *проповедь*, — главный инструмент воспитания общества. Тем самым литература «натуральной школы» соперничает с церковной проповедью в сопровождении своего рода «иконографии» в виде творчества передвижников, например, «Иван Грозный и сын его Иван» или «Белинский у постели Некрасова» и т. п.

С середины 40-х гг. XIX в. риторика вытесняется из системы гимназического образования, а художественная литература занимает в теории словесности все большее место, пока теория словесности в последнем, уже советского времени, варианте Д. И. Овсянко-Куликовского¹⁷ не сводится к разбору художественной литературы и затем вовсе исчезает из программы средней школы. А литературоведение в высших учебных заведениях сводится к изучению истории художественной литературы.

Несмотря на реформу церковной проповеди, подготовленную архиепископом Амвросием Ключаревым¹⁸, реальная церковная проповедь оказалась неспособной эффективно противостоять софистической аргументации литературной критики, но также и философским, социологическим, историческим концепциям как западного, так и русского происхождения.

В результате российская интеллигенция, воспитанная гимназической программой, критическим реализмом натуральной школы, наивная и лишенная способности критического мышления, была прекрасно подготовлена как к февралю 1917 г., так и к событиям 90-х гг. века двадцатого.

17 Овсянко-Куликовский Д. И. Теория поэзии и прозы. (Теория словесности). 5-е изд. М.; Пг., 1923.

18 Амвросий (Ключарев), архиеп. Искусство проповеди / сост. В. В. Бурева. М., 2006.

«Философия языка в XX в. прошла через три этапа: *потепбианский, марристский и сталинский*. Каждый из этих этапов отложился в сознании народа благодаря тому, что эти философские системы повлияли на школу. Потепбианская философия языка характеризуется тем, что в ней первое место творца языка предоставляется фольклору. Фольклорный автор анонимен и “стыдлив” в том смысле, что скрывает себя за общим мнением людей неграмотных и малограмотных, выносящих приговор его (автора) словотворчеству. Языковое творчество у фольклорного автора поэтично. Продолжением этого творчества является художественная литература. Авторы — художники слова, и только они развивают язык. Поэзия — источник развития языка. Проза — его падение. Вся литература на церковно-славянском языке и вообще вся сакральная и примыкающая к ней литература в течение десяти веков — упадок языка. Высшим судьей о достоинствах речи является критик, чувствующий развитие мира. Лучшим критиком является В. Г. Белинский»¹⁹.

1920-е — начало 30-х гг. характеризуются доминированием философии языка марризма, отрицавшей культурное наследие и сводившейся к попытке создания новой, “пролетарской культуры”, а в образовании — педологии, основанной на идее формирования коллективного социального рефлекса, доминировании «живого слова» и упрощении общеобразовательных программ.

Но с начала 30-х гг. сначала система образования, а после Отечественной войны — философия языка и отношение к культуре в целом решительно меняются: индустриализация страны, научно-технический прогресс, сциентизм философии марксизма предполагали фундаментальное общее и высшее образование.

Очевидно, руководство страны не видело иного выхода, кроме восстановления системы общего образования в том виде, как она сложилась в начале XX в., но модифицированной в соответствии с идеологическими установками времени. Риторика как учебный предмет, очевидно, представлялась неприемлемой, поскольку принцип дискусионности, равно как и обучение технике изобретения были опасными в условиях советской идеократии.

Массовая коммуникация выработала сложную иерархию общесоюзных и местных газетных изданий дополненную системой лекционной пропаганды и различного рода «народными университетами», политсеминарами и т. д.

Художественная литература стала основной формой эпидейктической аргументации наряду с массовой коммуникацией, сложившейся как единая система в советское время. Однако школьный курс литературы, как и другие предметы гуманитарного цикла, был основой формирования нравственных устоев общества, которые и пришли в столкновение с действиями массовой коммуникации, систематически искажавшей культурную, социальную и политическую реальность.

С разрушением Советского Союза разрушилась и система эпидейктической аргументации. Духовная культура России, в отличие от западноевропейской, всегда была основана на проповеди, которая формировала не только религиозно-нравственное сознание общества, но и его единство. Эта проповедь меняла свои источники и формы: церковную, художественно-литературную, советской пропаганды и агитации, сохраняя, тем не менее, смысловое ядро в виде Моисеевых и Евангельских заповедей при всем различии и острых мировоззренческих и политических столкновениях этих форм.

Современное духовное состояние общества во многом определяется массовой коммуникацией. Идеология массовой коммуникации характеризуется следующими ее особенностями.

Массовая коммуникация настаивает на своей «не-идеологичности» и носит имплицитный характер, но на самом деле ведет пропаганду идеологии, диктуемой задачами рекламы, поскольку характер, материальная ценность и престижность рекламируемых товаров и услуг определяют мировоззренческие предпочтения потребителя. Это и формирует подразумеваемые, скрытые общие места (базовую топикку) источников массовой информации.

Основные общие места массовой информации сводятся к следующему.

- Индивидуальные цели и интересы выше целей общества в целом, поэтому общество обязано удовлетворять личность, «я», а личность ничем не обязана обществу.
- Члены общества не имеют общего мировоззрения и целей, но имеют общие интересы материального характера.
- Поскольку духовные ценности определяются материальными запросами и личными интересами, мировоззрение человека — его личное дело и общественного значения не имеет.
- Каждый сам для себя определяет нравственные ценности и образ поведения.
- Культура сводится к развлечениям и сохранению здоровья.

- Единственная цель образования — материальный успех, поэтому образование остается делом каждого, а личная энергия, предприимчивость и удача определяют ценность личности.
- Физическая и социальная реальность хаотична и факты общественного бытия имеют вероятностный характер, поэтому эффективность интуиции — единственный критерий социального успеха. Следовательно, опыт выше образования.
- Реальность катастрофична, поэтому человек должен пользоваться моментом для стяжания материальных благ.

Отсюда социальный пессимизм молодежи и его следствия — наркомания, пьянство, хулиганство, бессмысленный терроризм.

Тем не менее, факты роста приходов в основном за счет молодежи, историко-патриотические движения, как «Бессмертный полк», вариативность рейтингов руководства страны в зависимости от объединяющего или разъединяющего общества характера политических решений, растущий интерес к истории страны и острая полемика по вопросам истории особенно советского периода свидетельствуют, что вопреки действиям массовой коммуникации, новое поколение стремится к формированию *нового стиля жизни*.

Эта тенденция проявляется в росте исторического самосознания общества, в приоритете духовных ценностей, социальной справедливости и социального равенства, единства и целесообразности реальности, значении культурной традиции страны, этносов, регионов, профессий и личной духовной и физической культуры, в стремлении к социальному оптимизму, к определению пути развития общества.

Современное общество, наследующее культуру страны и тем самым сохраняющее свое единство и перспективу развития, остро нуждается в гомилетике — систематической публичной речи перед постоянной аудиторией, организующей осознанное мировоззрение.

В настоящее время Церковь является единственным источником эпидейктической аргументации, способным обращаться ко всему обществу. Гомилетика выходит за пределы церковной ограды и адресуетя новому поколению. Поэтому необходимо массовое участие духовенства и мирян, *и в первую очередь православной молодежи*, в организации светской проповеди духовных ценностей, что и требует основательного риторического образования в рамках духовных школ и других образовательных организаций Церкви.

Можно думать, что постепенно складывается тенденция создания православных просветительских сообществ педагогов, ученых

различных специальностей, искусствоведов, писателей, журналистов, деятельность которых адресуется к широкой молодежной аудитории.

Нужно *уметь* убеждать человека в том, что является действительным смыслом его жизни. Это предполагает серьезную богословскую, риторическую и культуроведческую подготовку как самих участников таких обществ, так и духовенства — методистов и организаторов просветительской деятельности.

Такая подготовка в духовных учебных заведениях должна включать систематическое освоение филологических дисциплин, поскольку язык — основа культуры, а филологические дисциплины — основа гуманитарного знания.

В части языковедения — это полный курс русского языка, включающий как предметы практические: (орфоэпию, орфографию, грамматику, лексику, стилистику), так и предметы теоретические (основы общей теории и философии языка), значимые для богословского и научно-философского осмысления феномена языка.

В части теории словесности — это, помимо общей филологии и принципов герменевтики, безусловно, художественная литература, фольклор, философская, историческая, научная литература, документ, ораторская проза, публицистика, эпистолография, массовая информация, а также основы семиотики.

В части риторики — это технические и мировоззренческие основы построения публичной речи, логика, теория и история риторической аргументации и риторическая критика. Выпускник Академии должен уметь преподавать риторику и теорию словесности и владеть техникой анализа аргументации.

Библиография

- Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002.
- Амвросий (Ключарев), архиеп. Искусство проповеди / сост. В. В. Бурева. М.: Сретенский монастырь, 2006.
- Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века: Текст, перевод, исследование. М.: Добросвет, 1999.
- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М.: Наука, 1991. (Памятники философской мысли).
- Бонавентура. Путеводитель души к Богу / пер. с лат. и комментарии В. Л. Задворного. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1993.

- Виноградов В. В.* Поэтика и риторика. Из истории и теории риторики // *Виноградов В. В.* Избранные Труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 99–120.
- Гаврюшин Н. К.* «Риторика» М. В. Ломоносова и «Логика» Макария Петровича // Памятники науки и техники. Ежегодник, 1985 [Сборник статей]. М.: Наука, 1986. С. 131–154.
- Лисанюк Е. Н.* Софистика vs аргументация: проблемы демаркации // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. М.: изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 76–92.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Теория поэзии и прозы. (Теория словесности). Изд. 5-е. М.; Пг.: Госиздат, 1923.
- Ожегов С. И.* Словарь русского литературного языка. М.: государственное изд. иностранных и национальных словарей, 1952.
- Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. М.: Флинта; Наука, 2005.
- Трубецкой Н. С.* О методах изучения Достоевского // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс. 1995. С. 617–628.
- Pérelman Ch., Olbrechts-Tytéca L.* Traité de l' Argumentation. Vol. 1. Paris: PUF, 1962.

Rhetoric in Clerical Spiritual Education

Alexander A. Volkov

Doctor of Philology

Professor at the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

volkovalexander@mail.ru

For citation: Volkov, Alexander A. "Rhetoric in Clerical Spiritual Education". *Word and Image*, № 1 (2), 2020. pp. 138–159 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.008

Abstract. Importance of humanities for clerical training with essential notions of culture, human activity, philology and linguistics, arguments and expression.

Keywords: philology, linguistics, hermeneutics, religious education, rhetoric, the Russian language, culture, mass media.

References

- Ado I. (2002) *Svobodnyye iskusstva i filosofiya v antichnoy mysli [Liberal Arts and Philosophy in Ancient Thought]*. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina (in Russian).
- Klyucharev A. (2006) *Iskusstvo propovedi [The art of Preaching]*. Moscow: Sretenskiy monastyr' (in Russian).
- Annushkin V. I. (1999) *Pervaya russkaya "Ritorika" XVII veka: Tekst, perevod, issledovaniye [The First Russian "Rhetoric" of the 17th Century: Text, Translation, Research]*. Moscow: Dobrosvet (in Russian).
- Arno A., Nikol' P. (1991) *Logika, ili Iskusstvo myslit' [Logic, or The Art of Thinking]*. Moscow: Nauka (Pamyatniki filosofskoy mysli) (in Russian).
- Zadvornyy V. L. (ed.) (1993) *Bonaventura. Putevoditel' dushi k Bogu [Bonaventure. Guide of the Soul to God]*. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina (in Russian).
- Vinogradov V. V. (1980) "Poetika i ritorika. Iz istorii i teorii ritoriki" ["Poetics and Rhetoric. From the History and Theory of Rhetoric"], in V. V. Vinogradov *Izbrannyye Trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy [Selected Works. About the Language of prose]*. Moscow: Nauka, pp. 99–120 (in Russian).
- Gavryushin N. K. (1986) "Ritorika' M. V. Lomonosova i 'Logika' Makariya Petrovicha" ["Rhetoric' by M. V. Lomonosov and 'Logic' by Makariy Petrovich"], in *Pamyatniki nauki i tekhniki. Ezhegodnik, 1985 [Monuments of Science and Technology. Yearbook 1985]*. Moscow: Nauka, pp. 131–154 (in Russian).
- Lisanyuk E. N. (2015) "Sofistika vs argumentatsiya: problemy demarkatsii" ["Sophistry vs Argumentation: Problems of Demarcation"], in P. V. Sokolov (ed.) *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektual'noy kul'ture Evropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni [The Many-sided Sophistry: Illegitimate Argumentation in the Intellectual Culture of Europe in the Middle Ages and Early Modern Times]*. Moscow: izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, pp. 76–92 (in Russian).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. (1923) *Teoriya poezii i prozy. (Teoriya slovesnosti) [The theory of poetry and prose. (Theory of literature)]*. Moscow; Petrograd: Gosizdat (in Russian).
- Pérelman Ch., Olbrechts-Tytéca L. (1962) *Traité de l' Argumentation. Vol. 1*. Paris: PUF.
- Rozhdestvenskiy Yu. V. (2005) *Printsipy sovremennoy ritoriki [Principles of Modern Rhetoric]*. Moscow: Flinta; Nauka (in Russian).
- Trubetskoy N. S. (1995) "O metodakh izucheniya Dostoyevskogo" ["On the Methods of Studying Dostoevsky"], in N. S. Trubetskoy *Istoriya. Kul'tura. Yazyk [History. Culture. Language]*. Moscow: Progress, pp. 617–628 (in Russian).